

Эту книгу я посвящаю нашим дочерям —
Доротее и Фридерике, а также Дженни и Эстер Бюкен,
представляющим всех детей и их родителей,
благодаря которым я имел возможность
всё более осознавать исцеляющую силу
детской фантазии в её воздействии на ребёнка
как такового и на того ребёнка,
который живёт в каждом из нас, взрослых.

“ В нижней части страницы с текстом *истории о Пуммеле* указан номер страницы, содержащей продолжение повествования. После текста с иллюстрацией следуют мои размышления, а также мысли других людей в связи и по поводу эпизода из рассказа.”

Ганс-Гельмут Декер-Фойгт

Содержание

<i>Немного предыстории</i>	9
О разноцветной попе и цветной душе — Лекционные поездки Пуммеля — Приглашение к использованию	
<i>Пуммель жил со своими родителями...</i>	15
Первые опыты путешествий — Путешествия в спальном вагоне — Об истинности в восприятии — Что ещё нам известно о первых путешествиях Пуммеля — О местоположении во время путешествия — Первые более значимые путешествия — Путешествия должны быть подготовлены — О расставании и багаже — Жизнь — это всегда ещё и музыка — Музыка: такая или другая — Опасные стороны дорожного багажа: переходные объекты — Неудачные путешествия: багаж, приводящий к болезни — Избыток путешествий — Путешествия по отношениям — Недостаток путешествий	
<i>Но однажды утром...</i>	30
О положительной роли, казалось бы, плохих слов	
<i>Расстроенный, он вернулся назад...</i>	37
Самость Пуммеля, посторонний извне и их восприятие друг друга — «Я с тобой — я с собой — я с тобой и с другими» — Интеракция и коммуникация	
<i>Его рыдания разбудили прекрасный цветок...</i>	47
«...И во-вторых, надеюсь я давно...» — Ясность и понимание — Ближе к реальности	

<i>И вот, внезапно...</i>	55
О магическом мышлении, магии и магах — Реальность как часть фантазии	
<i>Пуммелью удалось спастись...</i>	61
<i>Пуммель снова вдохнул аромат цветка...</i>	65
С музыкой живётся лучше	
<i>Но ведь и птица тоже...</i>	71
<i>Птица Пуммель покорно вздохнул...</i>	75
Пуммель вновь покоряет мир — Пуммель — величайший, прекраснейший, умнейший — От всемогущего к бессильному — Истории с наглой ложью — Как реагируют на это некоторые Пуммели-родители — Что происходит, когда нам не позволяют фантазировать — Пуммель — часть абсолютного совершенства — Никто не идеален	
<i>Чем глубже он погружался...</i>	93
Пуммель и связь с реальностью — Пуммель регулирует себя сам — Теперь историй цветка более чем достаточно — Пуммель такой, какой есть, и он — прекрасен	
<i>Прежде чем он успел закончить...</i>	101
<i>Пуммель ел до тех пор...</i>	105
<i>Психология развития — что это такое?</i>	107
Начало жизни. Различия в подходах — Дэниел Стерн — звезда, дарующая облегчение — Когда Пуммели взрослеют — Отрезки жизни? — Здоровое психическое развитие по расписанию? — О завершающем отрезке — конце жизни — 8–9 минут, предназначенных для ухода за умирающими пациентами — О ритме жизни — Нарушенные ритмы — У каждого периода времени свой ритм — Родители и другие представители «ближайшего окружения» — Неизменно резонирующее начало — Большое содержится в малом, и наоборот — О развитии и развёртывании	
<i>Дополнительная литература</i>	122

Немного предыстории

Я познакомился с Пуммелем, когда тот грелся на солнышке, лучи которого проникали сквозь витражное окно Старой церкви в Босвиле, в швейцарском Аргау, и падали на маленькую, прелестную, гладкую бегемотиковую попку. Маленькая попка вместе с самим Пуммелем была напечатана в книге с картинками, которую написали и проиллюстрировали Либуше Палечкова и Йозеф Палечек. Она вышла в издательстве «Nord-Süd-Verlag» в 1976 году и предназначалась детям. Такие великолепно иллюстрированные детские издания, героем одного из которых стал Пуммель, всегда вызывают отклик у того ребёнка, что существует в душе каждого из нас, взрослых. По крайней мере в тех, кто этого ребёнка в себе чувствует и бережёт, — насколько это бывает возможно в той скорлупе-оболочке, которой мы «обрастаем», называя её впоследствии взрослостью.

Такие же чувства я испытал и в то самое утро, когда Моника Монико, держа в руках освещённую солнцем иллюстрированную книжку про Пуммеля, рассказывала нам на основе картинок с маленьким бегемотиком о положительных возможностях «пуммелевской» фантазии. И об отрицательных.

Вместе с Моникой Монико, швейцарским психоаналитиком, другом и коллегой, мы вели тогда в Босвиле курс семинарских занятий постдипломного обучения музыкальной терапии и другим формам психотерапии с применением средств искусства, благодаря чему одна из групп курса и познакомилась в это утро с Пуммелем. Ей обязан я своим знакомством с маленьким бегемотиком, побудившим меня к дальнейшим размышлениям и наброскам «краткой психологии развития» для Пуммелей в нас и вокруг нас.

О разноцветной попе и цветной душе

Однако же солнечный луч, согревающий заднюю часть маленького Пуммеля, не покрывал её обычным, характерным для золотого песчаного пляжа загаром из телевизионных рекламных роликов, но окрашивал его попку на манер пёстрога калейдоскопа в те цвета, что отбрасывали на неё витражи упомянутого выше церковного окна. Такими же многоцветными, какой оказалась в этой утро шкурка Пуммеля, являются и наши фантазии, наши внутренние картины. Эти существующие в нашем воображении образы скрывают в себе множество адресованных нам посланий, важных для выстраивания взаимосвязей, направленных от внутреннего мира к внешнему, к той внешней реальности, в которой мы все живём. К той реальности, с которой мы можем взаимодействовать значительно лучше, если позволим себе взаимодействие с нашими внутренними образами и их посылами.

Лекционные поездки Пуммеля

Благодаря проникающему солнечному свету, нашей размещающейся в то утро по кругу на деревянном полу Босвильской церкви рабочей группе не понадобился ни епископ, ни другой искусственно смоделированный для увеличения изображения технический прибор, ни вообще какое-либо техническое приспособление. Этого я не мог себе позволить в своих первых лекционных поездках, которые я осуществлял вместе с Пуммелем, ставшим моим проводником в сферу постоянно разрастающейся «Краткой психологии развития детской фантазии». Посредством диапроекторов и епископов Пуммель увеличивался на экранах различных залов и аудиторий до размеров гигантского ребёнка-бегемотика и обретал всё больше друзей среди рассматривающих его слушателей лекции.

И всё же этот сопровождающий мои доклады огромный Пуммель вызывал во мне всё больше сомнений в том, насколько благодотворен, собственно, этот мир лекционных залов для жизни самого Пуммеля, и, может быть, солнечная ванна, пусть даже в центре церковного зала, была бы более уместной.

Прежняя иллюстрированная книжка о Пуммеле была к тому времени распродана более десяти лет назад, и оттого я благодарен издательству «Nord-Süd-Verlag» за разрешение использовать оригинальную книгу о Пуммеле и возможность включения в неё моих текстов в качестве комментариев. А Пуммель, благодаря этой новой книге, где он является и действующим лицом, и объектом для комментариев, получил возможность вновь сойти, так сказать, со сцены и экрана и вернуться на книжные страницы к своему первоначальному виду.

Приглашение к использованию

И вот по какому принципу построена эта книга.

Мы можем следовать за Пуммелем в его приключениях так же, как это было в случае с прежней иллюстрированной книгой. Приключения начнутся на следующей странице. В нижней части страницы с оригинальным текстом истории о Пуммеле указан номер страницы, содержащей продолжение повествования. После текста с иллюстрацией следуют мои размышления, а также мысли других людей в связи и по поводу эпизода из рассказа.

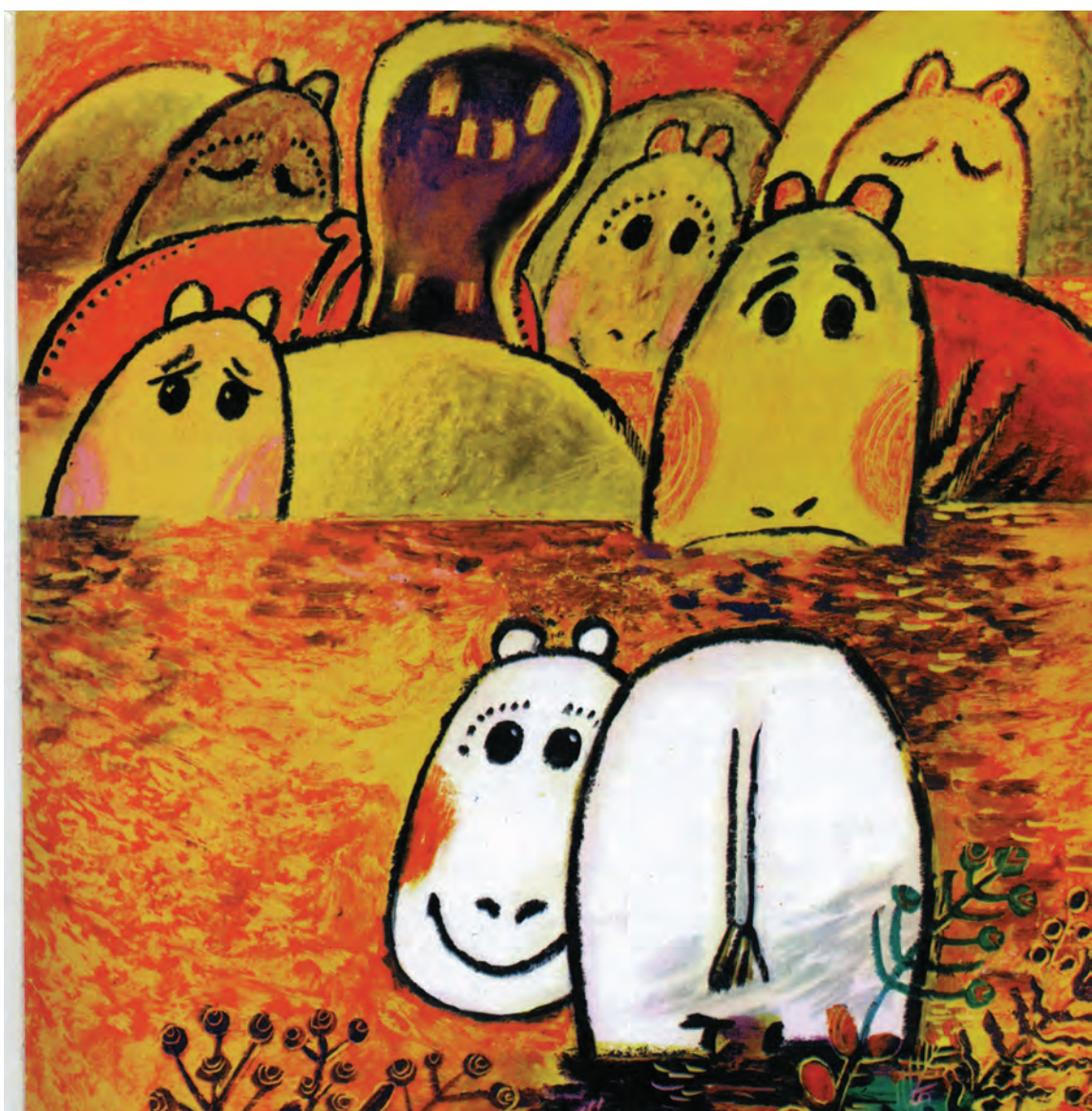
Эту книгу можно рассматривать исключительно как «книжку с картинками», читать её, включая в процесс того ребёнка, ту детскую часть своей личности, что есть в каждом из нас, и по возможности читать вслух вместе со своими детьми. Её также можно расценивать как введение в тему, затрагивающую вопросы детского развития (а тем самым — и дальнейшее становление мира взрослого человека), что является полезным и, возможно, станет подспорьем в работе и общении с детьми, которые здоровы или же болезненно травмированы, вследствие полученных на этапе своего психического развития обид. Подобно таким, с которыми столкнулся в своей истории и Пуммель.

Некоторые рассказанные мной события, относящиеся к нашей жизни, к жизни «Пуммелей в человеческом облике», сопровождаются в тексте сносками, указывающими на ту литературу в приложении, которую я рекомендую для дальнейшего углубления знаний заинтересованным родителям Пуммелей, их педагогам и терапевтам.

Краткая предыстория и заключительные выводы (включающие в себя сведения об этапах развития человека до его рождения, непосредственно после рождения, а также в период детства, определяющих всю его дальнейшую жизнь), как любые составляющие формы в целом, имеют целью способствовать тому, чтобы Пуммелю хорошо жилось в этой книге, повествующей о нём и его сверстниках из мира людей.

Того же желает этой книге, которая совершенно не случайно написана в местностях, расположенных как очень высоко — в горах Швейцарии, так и очень низко — в вересковой пустоши северной Германии, и посвящена миру фантазии всех возможных Пуммелей, её автор,

*Ганс-Гельмут Декер-Фойгт.
Ридеральп, кантон Вале
Алленбостель / Люнебургская пустошь
Пасха 1993 г.*

Пуммель жил со своими родителями и другими бегемотами в жёлтой бухте возле большой реки. Пуммель был живым и весёлым бегемотиком. Он любил подныривать под животы больших бегемотов и вспенивать воду, так чтобы она булькала им в нос и уши. Но старым, неповоротливым бегемотам это не слишком-то нравилось. Больше всего они любили тихо лежать в воде, дремать и зевать. Когда Пуммель и его подружка, маленькая Пуммелина, из баловства пытались перевалить взрослых на другой бок, те рычали и прогоняли их. Иногда они при этом звонко шлёпали их по маленьким попкам. Но и это доставляло Пуммелю и Пуммелине огромное удовольствие. Тогда они шумно плескались в воде, щекотали рыб под плавниками или мчались к берегу, чтобы испугнуть там птиц и бабочек. Когда же Пуммель наконец уставал, он ложился в траву и пел своим громким гиппопотамским голосом.

Продолжение на стр. 30

Здесь мы встречаемся с Пуммелем в пору его так называемого «счастливого детства», или, как ещё говорят, в «безмятежном мире его детства». Это те определения, которые, оглядываясь назад, употребляем мы, взрослые, и которые преимущественно связаны с нашим существующим на протяжении всей жизни стремлением к прежней защищённости (к примеру, защищённости в материнской утробе) и счастливыми моментами нашего детства, нежели с тем фактом, что наше детство действительно было столь «счастливым» и «безмятежным». Но даже пребывание в материнской утробе, в которой, согласно существующим долгое время предположениям, мы гарантированно чувствовали себя спокойно и защищённо, никоим образом не может действительно гарантировать такую защиту. Сегодня мы знаем, что для некоторых Пуммелей, когда те были плодом и эмбрионом, она стала преисподней.

Но с Пуммелем этого не произошло. Его детство было «счастливым», хотя и не «безмятежным». О том, каким образом такое «безмятежное» детство, когда к нему целенаправленно стремятся, может привести к болезни, мы узнаем позднее.

Изначально это детство кажется нам таким же полным и совершенным, как округлости попок Пуммеля и Пуммелины, которых также могут звать Доротеей или Фридерикой, или Экартом, или Хайо, Майей или Кристиной. Так же, как и нас. Или как тех детей, которым посвящена эта книга.

Пуммели из мира людей уже проходят к этому моменту солидный путь развития, они так много «раскрутили», «развили» и «вывели» из внутреннего мира во внешний, что стали неповторимыми индивидуальностями. Однако мы становимся такими много раньше, нежели мы полагали прежде. Уже будучи младенцами, мы являемся гораздо более зрелыми и уникальными в сравнении с тем, что об этом до настоящего времени знали и имели возможность узнать родители (к примеру, родители Пуммеля).

Над входом в латинские школы иезуитов, пусть даже и не имевших уровня знаний современной психологии развития, но в соответствии с их целями и, конечно же, по-латински некогда было написано: «Дай нам отрока до 6 лет, и мы вернём тебе мужчину...» (уже тогда они были мудры, эти стародавние учителя, даже если по неведению и (или) намеренно не принимали во внимание девочек, чьё развитие, с точки зрения значимости периода детства для всей последующей жизни, ничем не отличается от развития мальчиков).

Первые опыты путешествий

На этой первой картинке видно, что Пуммель уже имеет приличный опыт, связанный с перемещениями, как это можно понять по тому расстоянию, которое Пуммель оставил в воде между собой и всей своей большой гиппопотамской семьёй. И сделал это по своему желанию.

Но прежде взглянем всё же на те путешествия, экзамен на которые Пуммель уже сдал, прежде чем он отправился в более дальний путь к жёлтой бухте.

Путешествия в спальном вагоне

Первые путешествия Пуммель совершил ещё лёжа, при этом он непрерывно впитывал все ощущения, постоянно развивая в таких путешествиях своё восприятие. Первым делом Пуммель освоил путешествия при помощи кожи, когда прикасался и ощущал прикосновения, — через тактильно-хаптическое восприятие. (Тактильно-хаптическое восприятие (от греч. «hapto» — «касаюсь») — форма осязательного восприятия, которое включает в себя как тактильное, так и кинестетическое восприятие. — *Прим. научн. ред.*) Затем научился путешествовать при помощи слуха и соответствующих органов восприятия (аудитивное восприятие), при помощи зрения (визуальное восприятие), вкуса и ещё, и ещё — в общем и целом Пуммель путешествовал, опираясь на свои семь чувств (сенсорные системы), всё более и более воспринимая реальность своего маленького мира.

Впрочем, развивать свои семь чувств Пуммель начал, уже когда находился в животе своей Пуммель-мамы. И лишь после рождения стал «разворачиваться» процесс их развития.

Об истинности в восприятии

Позднее повзрослевший Пуммель осознает, что подобное восприятие имеет мало общего с восприятием истинного и вовсе не связано с истиной как таковой, но лишь с той действительностью, которая окружает Пуммеля в данный момент. Ничто из того знания, которое было накоплено Пуммелями прошлого

тысячелетия на основе их восприятия, не являлось и не является абсолютным и объективным. Современным Пуммелям это известно, они учитывают различия индивидуального восприятия и подходят к получению новых знаний, работая в группе, на основе «интерсубъективности».

Этому нас, нынешних взрослых Пуммелей, научили самые умные представители общества. Они были не только знающими своё дело учёными, но воистину знатоками. Среди них Карл Фридрих фон Вайцзеккер, а до него — Альберт Эйнштейн, позднее — наш современник Ларри Досси. Полученные ими на протяжении жизни знания были столь обширны, что они могли разглядеть существующие в них неверные системы и, отказавшись от ложного, оставить то научное наследие, которое как раз в недавнее время было переработано их последователями и предложено для внедрения в жизнь и продвижения на рынке.

Что ещё нам известно о первых путешествиях Пуммеля

Итак, вначале были эти первые, ранние путешествия, для совершения которых Пуммелю внешне вообще не нужно было двигаться, поскольку внутреннего движения ему вполне хватало для поддержания сообщения с внешним миром (с точки зрения поддержания своих жизненно важных потребностей). Затем пришло время первых путешествий, в которых был задействован не только внутренний мир Пуммеля, побуждаемый внешними раздражителями, но и он сам начинает двигаться, подключая своё тело. Одна лишь возможность перевернуться в детской кроватке с одного бока своего детского мира на другой означает отныне шанс познать совсем другую сторону того же самого мира.

О местоположении во время путешествия

Следующие путешествия, постоянно включающие в себя новые перспективы, являли собой отрезки пути, которые Пуммель совершал, карабкаясь на четвереньках по манежу от одного угла в другой, для того чтобы посредством такого небольшого изменения местоположения открывать, осмысливать

и понимать совершенно новые, более масштабные перспективы. А понимание всегда имеет дело с «точкой» зрения, с тем местом, где мы находимся, с нашим «местоположением». Важно осознавать собственное местонахождение, дальнейшее понимание приходит с увеличением мест нашего пребывания и их сменой.

Тот факт, что Пуммель преодолевает изображённое на картинке расстояние между собой и своими сородичами, связано в первую очередь с процессами созревания мозга, способствующими тому, что примерно к 18-му месяцу жизни Пуммель-человек начинает координировать свою моторику. Эта координация позволяет нам осуществлять целенаправленные хватательные движения (дотрагиваясь до матери, отца, собственного тела), а затем и обращаться с предметами (например, с игрушками, одеждой, чем-нибудь съестным). А уж знание о том, что способность к схватыванию лежит в основе нашего понимания этого мира, старо так же, как и само человечество.

Кроме хватательного навыка, мы осваиваем в эти первые 18 месяцев нашего пребывания вне материнской утробы гораздо большее, — мы овладеваем умением садиться, вставать и говорить! Всё это является знаками, ну или по меньшей мере сигналами того, что Пуммель воспринимает самого себя всё более и более осознанно. Те из нас, кто в профессиональном сообществе представляет глубинную психологию, неслучайно опираются на это слово, формируя на его основе профессиональную терминологию: «сам — самость», подчёркивая это становление и развитие самости в Пуммеле, в каждом из нас.

То, как с этой точки зрения к описываемому времени первых путешествий Пуммеля развивается его самость, будет являться определяющим и для его дальнейшего осознания самого себя вплоть до конца жизни.

Первые более значимые путешествия

Более значимое путешествие случается в тот момент, когда мы впервые стремимся удрать от поднимающего нас из манежа близкого человека, благодаря своей упомянутой выше сформировавшейся моторике и развивающемуся далее самопознанию, а также — любопытству. Вместе взятое, это позволяет нам,

позволяет Пуммелю, совершить нечто сенсационное — позволяет изменить местоположение, сменить позицию.

Такое устремление, будь то тяжеломерно шлёпающий бегемотик или карабкающийся на четырёх конечностях малыш, позволяет Пуммелю осознавать самого себя в тот момент, когда он отграничивается от всего донныне родного и близкого — от Пуммель-мамы, от отца, от бабушек и дедушек, отграничивается от всего родственного клана, благодаря простому удалению в пространстве.

Прежде чем преодолеть описанное в рассказе расстояние на пути к жёлтой бухте, Пуммелю необходимо было освоить опыт, связанный со множеством других расстояний, а значит, и путей, для того чтобы научиться путешествовать.

Путешествия должны быть подготовлены: о расставании и багаже

И вот однажды это получилось — впервые завернуть за угол и уползти за пределы комнаты, туда, где человеческий детёныш Пуммель больше не может видеть свою маму, не говоря уже о возможности чувствовать её прикосновение, ощущать её запах (как это было в моменты, когда мать кормила его грудью).

Что же делает Пуммель, очутившись в этом своём новом одиночестве, не имея возможности воочию наблюдать то двуединство, которое составляют он и его мать? Он компенсирует недостающее тем, что использует голос, издаёт возгласы.

Каков эффект такого клича, звучащего в ситуации его одиночества? Одни мамы-бегемотихи мычат, режут, другие — поют или кричат в ответ, и это успокаивает Пуммеля, он чувствует, что не один, хотя и находится в одиночестве за пределами комнаты. Голос обеспечил ему связь с матерью, придал уверенности, благодаря которой он смог решиться преодолеть расстояние, отправившись за угол, в новое пространство без угрозы остаться без мамы.

Пуммель проживает эту сцену настолько часто, что всякий раз отваживается перемещаться всё дальше и дальше, в полной уверенности, что на свои сопровождающие движение возгласы он непременно получит ответ. Бывает, что он кричит первым и получает ответ, а бывает и наоборот. Это не важно. Главное,